

Борис ЕРОФАЛОВ-ПИЛИПЧАК. Архитектура советского Киева. — Киев: Изд. дом А+С, 2010. — 640, LII с.: ил. — ISBN 978-966-8613-53-1. — Тираж 1000 экз.

Среди книг Бориса Ерофалова, которые в последние годы одна за другой радуют читающего читателя, эта — не только самая объемистая. Не говоря об обильной иллюстрации (534 черно-белых и 67 цветных, итого 601), приятной умному глазу, текст, крепко-накрепко сшитый, захватывает твое внимание с первых строк предисловия — "Замысел составить из коротких эссе панораму о самых..." — и несет его, не расплескивая, до библиографии и указателей.

Если не знать, что это издание является второй частью из смело задуманной автором трилогии о киевской архитектуре (первая "Архитектура имперского Киева" увидела свет в 2000-м и давно исчезла с прилавков; третья — в работе: "Киев незалежный"), можно заподозрить его в обособленности на поле творческой брани Б. Ерофалова с добротным научным словом. Но если знать, хронологический стежок прописи оказывается не только убедительным, но и на редкость последовательным, что говорит и о цельности характера, и о непоседливом желании обогатить пространство современного нечтения и исчезающей в людях эрудированности закреплением на письме тщательно подобранных, ансамблево расположенных и остроумно проанализированных фактов и артефактов.

Нерв книги — умственная возгонка прагматического материала в плоскость абстрактного размышления, без которого отечественное архитектуроведение обречено по-прежнему "пасти задніх". Подняться над миром вещей способны лишь птицы и поэты; долго удерживаться налету — ученые. Меня подмывает запараллелить ерофаловский трактат с блоковской поэмой "Возмездие": по аккомодации взгляда, по размаху крыла,

по нервическому желанию показать окружающим то, чего они не видят, поскольку не знают или попросту стали забывать. Свидетели вымирают, и сберечь от забвения уходящее время, схватиться за его развевающийся плащ, придать событиям осанность, оседлость, упругую непротиворечивость свойственно большим историкам вроде Мишле, Карлейля или Тарле. Если это стремление можно зачесть методом, то пусть это будет метод: истории нет, есть историки, благодаря которым она появляется сквозь повседневный туман суеты и беспечности, нежным тальком нонпарели оседая на газетных полосах и журнальных страницах. Перелистать, собрать, расставить на плацу, обрамить, каждому факту "указав на Запад и Восток", — задача, которую и на этот раз славно решил наш уважаемый автор.

Книга трехчастна. Главы "Формула города", "Проекты 20-го века" и "Каменщики СССР" это широта, высота и пристальность смотра. Три вектора — и богатство культурных ассоциаций, деликатно вызываемых самим актом письма. Вернее, два: лицо города и лицо человека, этот город созидавшего. Россыпь позабытых имен, среди которых рослым бамбуком высятся фамилии зодчих, без которых Киев не был тем Киевом, который можно испортить, — такая себе ломоносовская мозаика, "Полтавская баталия", на которой нашлось место всякой детали, и отчетливо виден материал, из которого создана целостность произведения. Объективность получившейся городской ткани и субъективность ее создателей замешены в книге мастеровитой ученой рукой, настоящей на многолетней практике в изящной словесности.

Книга Б. Ерофалова не только научный трактат, это еще и литературное произведение, написанное хорошим слогом; она дерзко попирает презумпцию, что научные книги непременно должны быть сухи и оттого скучны. Фрагментик о Крещатицкой застройке Добровольського и Ко: "Сбивка ритма, фактуры и текстуры растительной материи, дышащего объема, вьющегося стебля. Ближе всего здесь английский парк, арабская оаза, средневековый дворик монашеских умилений. Картины садово-паркового обустройства непосредственно иллюстрируют пределы пространственного этикета барочного художника. Тут шуршит гравий, там жжук пчел. Яркие цветки под ногой, боскеты под рукой. Зеленые купы чуть дальше, салатные облака деревьев за ними. Запах глицинии с полевым бризом. Пионы и хризантемы. Не стойка и балка, но райские кущи" (с. 486). Если бы не употребленное вместо русского "здесь" киевское "тут", отрывок безупречен по музыкальности и сообщает о декорационном решении крещатицких фасадов больше разных керамо-строительных банальностей, от коих глаз отвращается, будто от сухостоя, противного природе. Я наугад выхватил из книги цитату. Автор так не делает: массив изученного и переплавленного в текст материала — и визуального, и свидетельского — говорит о его планомерном архивно-библиотечном труде над темами проектирования Правительственной площади 1930-х, аванплощади на фоне Св. Софии 1939–1940-го, послевоенной реконструкции Крещатика 1955–1959-го, Стены памяти на Байковом в 1967–1982-м, Виноградаре Эд. Бильского 1972–1991-го, проекте реконструкции

Бессарабки 1980-го. Его цитирование, порой обильное (как полностью перепечатанный из малотиражной книжицы мемуар Б. Жежерина об институтских 1930-х годах), подтверждает апофегму Мандельштама: цитата не есть выписка, цитата есть цикада.

Цикада это не только смешной жучок с тремя выпученными глазками, который — самец —убаюкивающе потрескивает среди тишины, завлекая самочку; это название одной из поэтических книг Бориса ("Цикады южной цирк ночной и терпкий..."). Представляется важным подчеркнуть этот прием: подбор цитат как понуждение текста стрекотать. Автор с такой любовью пишет о киевской матери, не впадая в крайности осуждения большевизма или в патетику восхищения мастерством наших архитекторов, что мера отбора сюжетов для обсуждения и мотивов их архитектуроведческой экспликации выбрана с уместностью, доходящей до парадокса.

Творческие портреты И. Фомина, П. Алёшина, И. Каракиса, А. Добровольского, А. Милецкого, И. Лебедича — не подмалевок, это полноценные характеристики, в которых каждой сестре роздано по серьге, а шеренга обсужденных мастеров прислонена к мировой архитектурной практике. Нет ли впечатления местечковости? Автор сделал так, чтобы оно не появлялось.

Выше я употребил понятие цельность. Содержание книги и ее воплощение в законченной книжной форме с тщательным макетом ("по Чихольду"), добротностью печатного исполнения и круглым корешком в 5,5 см во весь логос говорят: цельность. Говорят, книгу споро раскупают; надеюсь, не только по причине ее полиграфического изящества и обилия картинок. Говорят, есть такие специальные книги — книги для чтения. Уверен, труд моего друга именно в этом тесном, трудном ряду.